

CHESTERFIELD

Наталья Владимировна Куродоева родом была из какого-то среднерусского города, вроде Куйбышева. А может, Волгоград был, не помню. В Москве она пролезла каким-то образом в ММСИ. ММСИ, хоть и не такой блатной был, как первый Мед, а все ж с улицы туда особо не брали. На stomate конечно только свои, потомственные, а на терапии - всякие дворняжки. Там и папенька твой учился, и Танечка Друбич - та, которую Соловьев впоследствии в актрисы произвел. Как раз с папенькой в одной группе, они еще попу ее потом горячо обсуждали.

За Москву надо было зацепляться, и Наталья Владимировна завела связь с преподавателем. Мужчина был хоть и в годах, зато профессор. Развелся с семьей, бросил имущество, кооператив приобрел на краю географии. Из института тоже пришлось уйти. Зато жена на тридцать лет младше. Есть еще песок в пороховницах!

Наталью Владимировну он после института в интернатуру запихнул, в Склиф. Там однокашник его отделением клинической патологии заведовал. После меда шли либо в ординатуру, либо в интернатуру. Интернатура покруче, там можно было диссертацию писать. Наталья Владимировна и писала, под научным руководством того самого зав отделением.

А тут твой папенька. Как он в ординатуру Склифа пробирался, то отдельная песня. Трахал он тогда все, что движется. Ума в нем было немного, зато расчетлив. И цифры хорошо запоминал: кто сколько зарабатывает, кто что за сколько купил.. В патанатомии тогда целый букет девушек трудился, так что рара не скучал.

С Натальей Владимировной они не сразу снюхались, а через полгода, под Новый год примерно. Она его дразнила сперва. Он тогда у меня на Сретенке жил. Ему удобно было, - десять минут - и на работе. А там цветник.

Я про кобелированья его не то чтоб не знала, но до мельтешения этого патологического не снисходила. Считала, что меня оценят, когда повзрослеют. А у них там в отделении коллективные пьянки постоянно устраивались. Слово " корпоративы" тогда еще не придумали. И этот, однокашник-то, он может и слил голубков. А может и не он. А только профессор стал внезапно следить за Натальей Владимировной. На машине за ней подъезжал, незаметно за троллейбусом ехал, в котором она с твоим папой каталась. То есть это он думал, что незаметно.

Негрецкий в тот вечер пьяный пришел не то чтоб в хлам, но близко. Спать сразу упал. Я раньше пьяных вблизи не видела, твой папа был первым опытом. Так он когда заснул, я успокоилась: не будет орать, предметы ломать и бросаться. А в полдвенадцатого где-то его к телефону позвали. На Сретенке, там же коммуна была, и мне сосед постучал, Сашка-пожарник. Тихо так сказал, мол, Андрея просят.

Ну не будить же животное. Пошла к телефону. Звонила женщина, не представилась.

Очень просила Андрея Петровича позвать. Я, говорит, больше никогда не позвоню.

Ну уж и никогда. Утром позвоните, я ей предложила. Сейчас никак не сможет.

А через день после того стало известно что Наталью Владимировну Куродоеву убили. Это Негрецкий мне объявил, по телефону. Я еще удивилась мельком, что он так торжественно, полным именем. Обычно-то он ее Наташкой называл, в разговорах.

Ножом она была убита. Сорок с чем-то ударов ей нанесли. А потом муж с собой покончил. Вся квартира была кровью залита.

Это как-то постепенно мне рассказывалось, по частям. Там конечно все патотделение кипело. Следователь к ним приходил, на допросы вызывали - всех, включая шефа.

А я беременной была в тот момент, и надо было что-то думать, восемь недель уже.

Папенька твой сразу сгинул - как ушел на работу с понедельника, так и не видела я его дней восемь. Звонил периодически, детали рассказывал.

Муж ее и раньше хотел убить, она подозревала. Провода к ванне подсоединял, чтобы ее разрядом ударило, когда она в ванне лежит. Потом следы там в квартире обнаружили, в носках кто-то ходил, по крови. Неясно, чьи. И записная книжка ее пропала, с которой она не расставалась. Книжку искали, следователь очень интересовался. А потом как-то бросил: убийство с последующим суицидом, чего там копать-то.

Они потом ездили туда, в Закобьякино, из которого Наталья Владимировна родом, к матери ее. Накануне собирались в моей комнате на Сретенке. Мне твой папенька велел стол накрыть и уйти. Чтоб без посторонних им горевать. А вернуться уже на следующий день, убрать там.

На следующий день в комнате клубами плавал синий вонючий дым, форточка была закрыта. Стол был относительно прибран, я удивилась.

А беременность я решила тогда сохранить. Все-таки это тяжело на меня подействовало, на голову.

11/26/2017